

«БЕЛОРУССКИЙ ТЕКСТ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. М. РЕМИЗОВА

Вопрос об изначальной легитимности использования понятия «белорусский текст» применительно к творчеству А. М. Ремизова крайне непростой. В данном случае речь идет о «литвинском мифе», который культивировали супруги Ремизовы. Он состоит из элементов польской, литовской (в исконном своем значении) и украинской народно-поэтической культуры, имеющей множество общих черт, обусловленных многовековым единством в составе ВКЛ и Речи Посполитой. Фольклорные взаимосвязи и до сих пор проявляются в обширном регионе белорусско-украинского пограничья на Полесье, где и находилось родовое имение Берестовец жены писателя – С. П. Довгелло (1876-1943), происходившей, по легенде, из княжеского литовского рода Олигердовичей [1*].

В Полесском регионе сложился особенный тип сказочного болотно-демонологического нарратива. Он и стал основой для субъективного мифотворчества в фольклорных стилизациях писателя. «Символом демонического низа для младосимволистов было болото, а Ремизов представлялся «символистской общественности» знатоком и коллекционером всякой «болотной нечисти», с которой состоит более чем в родственных отношениях [2*]» [6, с. 169]. Неумный мистификатор переселяет свою сказочную болотную «нечисть» в литературно-бытовое пространство Петербурга: «А за Нежитом нежить и нечисть – из трущоб, пропастей и расселин – речные, луговые, озерные, домовые и домовихи, дупляные, моховые, полевые, облом, костолом, кождедер, тяжкун, шатун, хитник, лядащик, голохвост, ярун, шпыня, куреха, шандырь-шептун и шептиха». [1, с. 413].

Серафима Павловна разделяла игровой энтузиазм мужа: «Прекратятся Ваши шутки, значит, вашему воображению наступил конец», – пишет она Ремизову [цит. по 7, с. 11]. Многие демонологические существа из «Посолони», русалии «Алалей и Лейла», появившись из фольклорно-этнографических источников, в процессе литературной игры трансформировались в образы личного мифотворчества [3*].

Фольклорно-мифопоэтические вариации Ремизова напоминают палимпсесты, где первый план должен восходить к первоисточнику, а второй – представлять собой символистскую транскрипцию эпохи Серебряного века. Образы мелких бесов (Шишиги, Боли-бошки, Шиша елового, болотного и лесного Лешего) в фольклорных стилизациях Ремизова основаны на мифопоэтических представлениях об этих существах: все они маленького роста, с набором уродств, способны обманым путем вызывать у людей жалость и сочувствие, а затем обманывать их или «обморачивать». Такая авторская самоидентификация, возможно, обусловлена контрастом с величественным образом жены. Двойственна и природа ремизовского образа Летавицы в книгах «К Морю-Океану», «Алалей и Лейла». По

мифопоэтическим представлениям белорусов и украинцев, Летавица – это демон в образе красивой молодой женщины, поработавшей своим неземным взглядом мужчин. В польских легендах Летавицы – духи, которые слетают на землю падучей звездой. Ремизов учитывал совокупность фольклорных вариантов, однако в его ранней художественной версии Летавица обладала портретными чертами С. П. Довгелло: «Красота ее краше всех, лицо девичье, вольные волосы до самой земли, глаза, словно колодцы, пристанет она к человеку и *возьмет его волю*: будет приходить к нему всякую ночь – станет и смотрит всю ночь ...» [5, с. 5]

Внешний облик Серафимы Павловны меньше всего соответствовал имиджу декадентской *femme fatale*, она не обладала чертами женщин с инвертированным полом, но аспекты ее жизнетворческого поведения говорили о природной мистической отзывчивости и символистском мироощущении. Расставшись с революционными идеями, она становится постоянной участницей мистических собраний у Минских, Мережковских, входит в круг самых близких Вяч. Иванову людей. С сестрами Гиппиус (Татьяной и Натальей) Серафиму Павловну связывал общий интеллектуально-духовный интерес к серебряновечным соборным любовным экспериментам [4*]. К З. Н. Гиппиус Серафима Павловна питала дружеские чувства, а поэтесса посвятила ей стихи-признание: «То бурная, властно-мятежная – / То тихие вечернего дня: Заря огневая и нежная / На небе вошла для меня», которые заканчиваются строками: «Я нежно люблю тебя, милая / И все, что ты любишь – мое!» [8, с. 167].

В свете нашей темы интересен рассказ А. Ремизова «Жертва» с многозначительной авторской ссылкой на первоисточник: «Романов Е.Р. Белорусский сборник». При текстологическом сопоставлении обнаруживается, что ни одна из зафиксированных в белорусском сборнике сказок не является прямым источником, общее только некрофилических мотивах и символах. В действии «Жертвы» разыгрывается фарсовая свадьба, где один из приглашенных желает молодоженам любви, но обсцетным глаголом в повелительной форме. Следуя своей излюбленной нарративной технике, автор вывел под масками мертвецов семейство Мережковского-Гиппиус. В символистских кругах заподозрили пародийное изображение триангуляционных любовных экспериментов Мережковских, как бы не авторитетно выглядело авторское указание на «Белорусский сборник». З. Гиппиус, судя по ее язвительному отзыву об этой сказке в письме к С.П., вполне могла распознать тайный подтекст: «...А. М-чу скажите <...>, что я от него не ожидала столь грубой ошибки (в рассказе в «Весах», и рассказ-то нехороший. Скажите, что свадеб не бывает «на святках», не бывает их с 12 ноября до 7 января (после Крещения)» [9, с. 151].

Демонологическая образность фольклорных стилизаций Ремизова («Посолонь», «К Морю-Океану», «Алалей и Лейла»), восходящая к интересующему нас белорусскому пантеону языческих божеств, разнообразна. Это и белорусский лесной дух, и податель богатства беднякам Белун, и герой белорусских жатвенных песен Спорыш, и белорусский брат

Вия Ховала – существо с 12-ю глазами, из которых исторгаются темные лучи, и др. В театральной философии Ремизова о русалии, художественным воплощением которой был проект «Аллей и Лейла», также очевиден «литвинский след», поскольку именно у белорусов сохранился богатейший культурный комплекс Русальной недели (бел. «Русальныя дзяды»). Работая с фольклорным материалом, Ремизов намеренно соблюдает научную этику. Он ссылается на использование материалов, послуживших источниками, и указывает на труды авторитетных ученых – А. Афанасьева, А. Веселовского, А. Потебни [5*], есть и ссылки на исследователей белорусского фольклорного материала – П. Бессонова, П. Шпилевского и П. Шейна. Но как правило именно «белорусские» обработки вызывают ощущение особенно произвольного обращения автора с первоначальным текстом, что позволяет говорить о фольклорных стилизациях как о форме авторской мимикрии.

Л и т е р а т у р а

1. Ремизов А. «Алалей и Лейла» // Сторона небывалая. М., 2004.
2. Ремизов А. В розовом блеске. Нью-Йорк, 1952.
3. Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. Т.7: Ахру. М., 2002.
4. Ремизов А. М. Собр. соч.: в 10 т. Т.10: Петербургский буерак. М., 2002.
5. Ремизов А. Ночь у Вия // Русская мысль. 1909. №4.
6. Розанов Ю. Фольклоризм А.М. Ремизова: источники, генезис, поэтика. Вологда, 2008.
7. Раевская-Хьюз О. Образ С. П. Ремизовой-Довгелло в творчестве А. М. Ремизова (к постановке проблемы) // А. М. Ремизов: Материалы и исследования. Спб., 1994. С.10-15.
8. Lampl H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd. 1.
9. Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского. Вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. №3. С.132-180.

Комментарии

- 1* О родословии С. П. Ремизовой-Довгелло см.: Бунич-Ремизов Б. Б. Из воспоминаний о семье С. П. Ремизовой-Довгелло // ИРЛИ, ф. 256: оп. 2, № 54; Бунич-Ремизов Б. Б. Супруги Ремизовы в судьбе их дочери и в восприятии ее близких // Алексей Ремизов. Исследования и материалы. Спб., 1994. С.267-272.
- 2* Блок посвятил цикл «Пузыри земли» из сборника «Нечаянная радость» А.М. Ремизову. В цикле есть стих, где в образах «болотных чертенят» выведен автор и А. Ремизов. См. «Лит. наследство» Т. 92.
- 3* В книге «Петербургский буерак» Ремизов иносказательно повествует о невоплощенном замысле балета-русалии «Алалей и Лейла». Все участники проекта называются «болотными бесами» и соответственно носят имена

персонажей либретто: Кикимора – А. Лядов, автор музыки; Коловертыш – хореограф М. Фокин; два лисатых приятеля Гад и Дат – режиссер Вс. Мейерхольд и художник А. Головин; бес Алазион – министр финансов М. Терещенко; Марун – соавтор либретто А. Блок.

4* См.: 1) Из истории «новой» христианской любви: Эротический эксперимент Мережковских в свете «главного»: из «Дневников» Т. Н. Гиппиус 1906-1908 годов // Эротизм без берегов: Сборник статей и материалов / Сост. М. М. Павлова. М. 2004. С. 391-456. 2) Матич О. Эротическая утопия: Новое религиозное сознание и fin de siècle в России / Авторизированный перевод с англ. Е. Островской. М., 2008.

5* А. Потебня «Символ и миф в народной культуре»; Афанасьев А. Н. «Поэтические воззрения славян на природу»; Веселовский А. А. Народные представления славян; Бессонов Н. «Калики перехожие».